

Айрина Лис

**Хозяйка
проклятых
теней**

Айрина Лис

Хозяйка проклятых теней

«Автор»

2026

Лис А.

Хозяйка проклятых теней / А. Лис — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад, спасаясь из горящего дома, одиннадцатилетняя Ариана Кортес заключила сделку с древней Тенью. Дэмиан, питающийся человеческими страхами, остался с ней навсегда — проклятие, тюремщик и единственный спутник в мире, где никто не знает правды. Теперь Ариана — герцогиня, привыкшая к соседству с монстром. Но когда в городе начинаются загадочные убийства, а жертвы перед смертью шепчут её имя, их хрупкое равновесие рушится. Упрямый инспектор Клейтон ведет расследование, приближаясь к разгадке, а в тенях пробуждается древнее зло, жаждущее открыть портал в Темный мир. Ариане предстоит сделать выбор: оставаться жертвой или стать охотником. Ведь тени — это не просто тьма. Тени — часть нас самих. И иногда они становятся единственным, что удерживает на краю пропасти. Готическая атмосфера и мистический хоррор в духе Стивена Кинга, переплетенные с опасной романтикой и сильными женскими персонажами. История о страхе, который делает нас сильнее, и о любви, рожденной в проклятии.

© Лис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Утро хозяйки.	10
Глава 2. Незванный гость.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Айрина Лис

Хозяйка проклятых теней

Пролог.

Запах дыма был первым, что она почувствовала.

Он вполз в детскую незаметно, как вор, сначала просто тонкой ниточкой, которую можно было спутать с запахом тлеющих углей в камине в гостиной этажом ниже. Ариане было одиннадцать лет, и она уже знала, что дым – это не всегда плохо. Дым – это тепло, это ужин, это папины сигары после обеда.

Но этот дым пах иначе. Горько. Тревожно. Смертью.

Она отложила книгу – «Приключения барона Мюнхгаузена», с картинками, мама подарила на прошлое Рождество – и села на кровати, прислушиваясь. За окном была ночь, глубокая, декабрьская, с колючими звездами и морозом, который рисовал на стеклах причудливые узоры. В детской горел ночник – фарфоровый ангел с тусклой лампочкой внутри, отбрасывающий мягкий золотистый свет на стены, оклеенные обоями с веселыми мишками.

Тишина.

Нет, не тишина. Снизу доносились голоса. Громкие, встревоженные. Кричала мама. Ариана никогда не слышала, чтобы мама кричала. Мама всегда была спокойной, улыбчивой, пахла духами и имела привычку гладить Ариану по голове, когда та засыпала.

А сейчас мама кричала.

Ариана спрыгнула с кровати, босиком на холодный паркет, и подбежала к двери. Ручка обожгла ладонь – горячая. Она отдернула руку и прижала ее к груди, глядя на дверь расширенными глазами.

Из-за двери тянуло жаром.

– Мама? – позвала она тихо, севшим голосом. – Мама!

Никто не ответил. Крики внизу стихли, и это было страшнее, чем сами крики. В наступившей тишине отчетливо слышался треск – огонь пожирал дерево, ткани, всё, что попадалось ему на пути.

Ариана попятилась от двери. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Она пятилась, пока не наткнулась спиной на платяной шкаф – огромный, дубовый, резной, доставшийся от бабушки. Шкаф пах нафталином и старым деревом, и в нем было темно и тесно.

В нем можно было спрятаться.

Она не думала. Просто рванула дверцу, втиснулась внутрь, зарылась лицом в ворох шелковых платьев, висевших здесь с тех времен, когда мама еще не вышла замуж и носила наряды с завышенной талией. Платья пахли мамой – теми самыми духами, лавандой и чем-то сладким. Ариана зажмурилась, зажала уши руками и сжалась в комок, пытаясь стать маленькой-маленькой, чтобы огонь ее не нашел.

Огонь все равно нашел.

Жар пробирался сквозь щели в дверцах шкафа. Дым становился гуще, ел глаза, заставлял кашлять. Ариана зажимала рот обеими руками, вжимаясь лицом в мамины платья, и молилась. Всем богам, которых знала: Богу, которого показывали в церкви по воскресеньям, ангелу-хранителю, про которого рассказывала няня, даже домовому – пусть придет и спасет.

Никто не приходил.

А потом дверца шкафа открылась сама собой.

Ариана вскинула голову, готовая закричать от радости – мама! папа! спасли! – но крик застрял в горле.

Перед шкафом стояла Тень.

Она не была похожа на обычную тень – те всегда плоские, серые, привязанные к предметам. Эта тень была живой. Она шевелилась, перетекала сама в себя, и внутри нее горели два глаза – холодных, серебристых, без зрачков. Тень заполняла собой весь дверной проем, и даже огонь за ее спиной казался бледным и ненастоящим.

– Здравствуй, маленькая, – сказала Тень.

Голос у нее был красивый. Низкий, бархатный, обволакивающий. Таким голосом мамыны знакомые читали стихи на светских вечерах. Но от этого голоса у Арианы волосы встали дыбом.

– Ты... ты кто? – прошептала она, вжимаясь спиной в ворох платьев.

– Я – то, что всегда было рядом, – ответила Тень. – Я живу в углах, под кроватями, в темных коридорах. Я – твой страх, маленькая. Я – все, чего ты боишься.

– Я не боюсь, – выдохнула Ариана, и это была ложь. Она боялась так, что зубы стучали, а живот скрутило узлом.

– Боишься, – Тень улыбнулась – Ариана не видела рта, но почему-то точно знала, что Тень улыбается. – Ты боишься огня. Боишься, что мама с папой не придут. Боишься умереть здесь, в этой коробке, задохнуться от дыма. Я все знаю про тебя, маленькая. Я – твоя тень. Мы с тобой одно целое.

– Неправда! – Ариана зажмурилась, замотала головой. – Ты не моя! Моя тень на полу! Уходи!

Тишина. Она открыла глаза.

Тень стояла на том же месте, но теперь склонила голову набок, разглядывая ее с любопытством. И в этом любопытстве было что-то нечеловеческое, холодное, изучающее – как ученый разглядывает бабочку на булавке.

– Какая забавная, – пробормотала Тень. – Обычно в таких случаях дети визжат, плачут, теряют сознание. А ты – нет. Ты пытаешься спорить. Ты злишься.

– Я не злюсь, – огрызнулась Ариана, и в голосе действительно прорезались злые нотки. – Я боюсь. Но это не значит, что я должна тебя слушаться. Ты кто вообще такой? Почему не помогаешь? Там огонь! Там мама и папа! А ты стоишь тут и болтаешь!

Тень замерла. Потом, к ужасу Арианы, начала меняться. Темный силуэт вытянулся, обрел очертания – плечи, талию, руки. И через несколько секунд перед ней стоял человек. Мужчина. Высокий, красивый, в черном сюртуке, с идеальной осанкой и лицом, которое хотелось разглядывать бесконечно. Только глаза остались прежними – серебристыми, без зрачков, светящимися в темноте.

– Так лучше? – спросил он. – Тебе легче разговаривать, когда я имею лицо?

Ариана смотрела на него, открыв рот. Это было невозможно. Это было страшнее огня. Огонь – он понятный. А это... это было чудовище из сказок, которые рассказывают на ночь, чтобы дети боялись и не капризничали.

– Ты... ты монстр, – выдохнула она.

– Я – тень, – поправил мужчина спокойно. – Мы, тени, умеем принимать любой облик. Этот мне нравится больше всего. Так я больше похож на тех, кого вы называете людьми.

– Ты не человек, – Ариана покачала головой, не сводя с него глаз. – Ты... ты...

– Я здесь, чтобы предложить тебе сделку, – перебил мужчина, и голос его стал серьезным. – Огонь скоро доберется сюда. Ты задохнешься или соришь. Твои родители уже мертвы – я чувствую. Их страх погас, как свечи. Ты осталась одна.

– Врешь! – выкрикнула Ариана, но внутри все похолодело. Она знала, что это правда. Знала по той тишине, которая наступила после криков, по запаху гари, который становился все сильнее. – Папа сильный! Он спасется! Он меня спасет!

– Никто тебя не спасет, – жестко сказал мужчина. – Кроме меня. Я могу вытащить тебя отсюда. Я могу увести тебя через огонь, и ты даже не обожжешься. Я могу дать тебе жизнь.

Ариана смотрела на него, и страх медленно отступал, уступая место чему-то другому. Отчаянию? Надежде? Она не знала. Она знала только одно: этот монстр говорит правду. Огонь уже трещит за дверью, дым становится гуще, и дышать почти невозможно.

– Что ты хочешь взамен? – спросила она. Голос прозвучал удивительно ровно для одиннадцатилетней девочки, запертой в шкафу в горящем доме.

Мужчина улыбнулся – и эта улыбка была страшнее всех масок, которые он мог бы надеть.

– Твой страх, – сказал он. – Отдай мне свой страх. Весь. До последней капли. И я выведу тебя отсюда.

– Страх? – Ариана нахмурилась, пытаясь понять. – Зачем тебе мой страх?

– Я питаюсь эмоциями, – пояснил мужчина терпеливо, как учитель объясняет урок. – Страх – самая сильная из них. Самая чистая. Ты боишься сейчас так, что я чувствую это за версту. Твой страх – деликатес для таких, как я. Я хочу получить его. Весь. Навсегда.

– А если я отдам, я перестану бояться? – спросила Ариана.

– Ты перестанешь бояться чего бы то ни было, – кивнул мужчина. – Навсегда. Ты станешь самой храброй девочкой на свете.

Это звучало заманчиво. Не бояться. Никогда. Ни огня, ни темноты, ни монстров под кроватью. Ничего.

– А ты? – спросила Ариана подозрительно. – Ты уйдешь? После того, как получишь мой страх?

Мужчина заколебался. Всего на мгновение, но Ариана заметила. У нее был острый глаз – мама всегда говорила, что дочка все видит, все замечает.

– Я не могу уйти, – сказал он наконец. – Если я возьму твой страх, я останусь с тобой. Навсегда. Таковы правила. Мы становимся связаны. Я стану частью тебя. Твоей тенью. Буквально.

– То есть ты никогда не уйдешь? – уточнила Ариана.

– Никогда.

В шкафу повисла тишина. Только треск огня за дверью и тяжелое дыхание девочки.

Ариана думала. В свои одиннадцать лет она была достаточно взрослой, чтобы понимать: просто так ничего не дается. Если этот монстр предлагает жизнь в обмен на страх, значит, страх стоит дорого. А если он остается с ней навсегда – это вообще не сделка, это кабала.

– Нет, – сказала она твердо.

Мужчина удивился. Впервые за весь разговор на его лице отразилось искреннее изумление.

– Что?

– Я сказала: нет, – повторила Ариана. – Я не хочу, чтобы ты оставался со мной навсегда. Ты страшный. Ты монстр. Ты, может быть, убил моих родителей. Я не хочу, чтобы ты был рядом всегда.

– Но ты умрешь, – напомнил мужчина. – Огонь уже здесь. Еще минута – и ты задохнешься.

– Значит, умру, – пожала плечами Ариана, хотя плечи у нее тряслись. – Лучше умереть, чем жить с монстром.

И она зажмурилась, прижимая к груди мамино платье, готовясь к самому худшему.

Но ничего не происходило.

Она открыла глаза. Мужчина стоял на том же месте, но теперь смотрел на нее с совершенно новым выражением. Не как ученый на бабочку. Как коллекционер, нашедший уникальный экземпляр.

– Ты необычная, – сказал он тихо. – Очень необычная. Я встречал много людей. Тысячи. Ты – первая, кто отказался от жизни, лишь бы не быть со мной.

– Я не первая, – возразила Ариана. – Просто другие, наверное, не понимали, на что соглашаются. А я понимаю. Ты останешься. Будешь всегда рядом. Будешь смотреть, как я расту, как живу. Будешь лезть в мои мысли. Это хуже смерти.

– Да, – согласился мужчина задумчиво. – Наверное, хуже. Но я все равно не могу позволить тебе умереть.

Ариана нахмурилась:

– Почему?

– Потому что я еще никогда не встречал такого человека, – ответил он. – Потому что мне стало интересно. Потому что я древний, и мне смертельно скучно, а ты – самая интересная вещь, которая случалась со мной за последние столетия. Я вытащу тебя. Без сделки. Просто так.

– Просто так не бывает, – отрезала Ариана, в точности копируя интонации матери, когда та отчитывала провинившуюся прислугу.

Мужчина рассмеялся. И в этом смехе не было ничего страшного – обычный человеческий смех, теплый, почти добрый.

– Ты права, маленькая герцогиня. Просто так не бывает. Тогда давай другую сделку. Я вытащу тебя сейчас. А ты взамен позволишь мне остаться рядом. Не как хозяин и раб, не как паразит и носитель. Просто... как спутник. Я не буду трогать твой страх, не буду питаться твоими эмоциями. Я просто буду рядом. Смотреть. Ждать.

– Чего ждать? – подозрительно спросила Ариана.

– Не знаю, – честно признался мужчина. – Может быть, того момента, когда ты сама захочешь отдать мне свой страх. Или, может быть, того момента, когда я пойму, зачем я здесь. Я древний, девочка. У меня было много времени, чтобы понять: случайностей не бывает. Я оказался здесь именно сегодня именно для того, чтобы встретить тебя. Значит, в этом есть какой-то смысл. Я хочу узнать, какой.

Ариана смотрела на него долго, очень долго. Огонь трещал уже совсем близко, жар стал невыносимым, дым ел глаза. Но она смотрела и думала.

– Ты не врешь? – спросила она наконец.

– Тени не врут, – ответил мужчина. – Мы не люди. Мы не умеем лгать. Мы можем договаривать, можем скрывать, но врать – нет. Вранье требует совести, а у теней ее нет.

– Хорошо, – Ариана кивнула, принимая решение. – Я согласна. Ты меня вытаскиваешь, ты остаешься рядом. Но ты не трогаешь мои мысли, не пугаешь меня по ночам и не мешаешь жить. И если я скажу «уйди» – ты уходишь. Хотя бы на время.

– Договорились, – мужчина протянул ей руку – человеческую руку, с пальцами, с ногтями, почти настоящую. – Меня зовут Дэмиан. А тебя я знаю. Ариана Кортес, единственная дочь герцогов дель Луго. Будущая герцогиня.

Ариана протянула свою ладошку и вложила в его руку. Ладонь у него была холодной, но не ледяной – просто прохладной, как камень в тени.

В ту же секунду мир вокруг завертелся, потемнел, и Ариана потеряла сознание.

Она очнулась на снегу, в саду, далеко от дома. Особняк полыхал так, что искры летели до неба, освещая окрестности зловещим оранжевым светом. Было холодно, мороз щипал щеки, но Ариана ничего не чувствовала. Она смотрела на пожар пустыми глазами.

Рядом стоял Дэмиан. Теперь он не был красивым мужчиной в сюртуке – он был просто тенью, бесформенным силуэтом, который колыхался на ветру.

– Мама, папа, – прошептала Ариана.

– Их больше нет, – тихо сказал Дэмиан. – Прости. Я не успел. Я пришел к тебе, а не к ним.

Ариана промолчала. Она сидела на снегу босиком, в одной ночной рубашке, и смотрела, как горит ее дом. Горело все: детская с мишками на обоях, кабинет отца, мамина спальня, библиотека с тысячами книг.

Горела ее жизнь.

– Ты будешь плакать? – спросил Дэмиан.

– Нет, – ответила Ариана.

– Почему?

– Потому что слезы – это слабость. А я теперь герцогиня. Герцогини не плачут.

Дэмиан долго молчал. А когда заговорил, в его голосе звучало что-то, чего Ариана не могла определить – уважение? Восхищение? Или просто древняя, усталая грусть?

– Какая же ты... – начал он и не закончил.

Ариана так и не узнала, что он хотел сказать. Вокруг замелькали фонари, слышались крики – прибежали люди из соседних домов, слуги, полиция. Ариану подхватили на руки, укутали в одеяло, понесли в тепло.

Она не обернулась. Не посмотрела на горящий дом. Не заплакала.

Только краем глаза заметила, как тень на снегу шевельнулась и приняла очертания человеческой фигуры. Высокой. Темной. Всегда рядом.

Навсегда.

Прошло пятнадцать лет.

Ариана Кортес, герцогиня дель Луго, проснулась в своей спальне за секунду до того, как часы на камине начали отбивать семь ударов. Она открыла глаза и посмотрела в высокий потолок с лепниной.

В углу у туалетного столика тень была гуще, чем положено.

– Доброе утро, герцогиня, – раздался знакомый голос. Низкий, бархатистый, с едва уловимой насмешливой хрипотцой. – Как спалось? Надеюсь, кошмары не тревожили?

– Тревожили, – ровно ответила Ариана, глядя в потолок. – Ты всю ночь ворочался в моей голове. Перестань скрестись в двери памяти. Там нет ничего интересного для такой древней реликвии, как ты.

– Жестокая, – усмехнулась Тень.

Ариана улыбнулась. Едва заметно, одними уголками губ.

– Привыкай, Дэмиан. Это будет долгая жизнь.

Глава 1. Утро хозяйки.

Солнце еще не решилось коснуться этого дома.

Тяжелые бархатные шторы цвета запекшейся крови были задернуты так плотно, что даже самый нахальный утренний луч не мог протиснуться сквозь них. Спальня герцогини дель Луго тонула в полумраке – густом, почти осязаемом, словно старое выдержанное вино. Здесь царил искусственный вечный вечер, сотворенный руками человека, который давно перестал доверять естественному свету.

Ариана открыла глаза за секунду до того, как часы на камине начали отбивать семь ударов. Она всегда просыпалась так – рывком, мгновенно, без лишней минуты неги и полусонного забытья. Сказывались годы, проведенные в доме, где безопасность – понятие условное, а тишина никогда не бывает пустой.

Она лежала неподвижно, глядя в высокий потолок с лепниной, которую не видела, но знала наизусть. Пальцы сжали край одеяла – тончайшего батиста, пахнущего лавандой, которой Матильда переключивала постельное белье. Сердце стучало ровно, размеренно, как метроном. Три удара – вдох. Три удара – выдох.

Справа от кровати, в углу у туалетного столика, тень была гуще, чем положено.

Ариана не повернула голову. Она просто ждала.

– Доброе утро, герцогиня, – раздался голос из угла. Низкий, бархатистый, с едва уловимой насмешливой хрипотцой, от которой у нормальных людей мурашки бежали по спине табуном перепуганных овец. – Как спалось? Надеюсь, кошмары не тревожили?

– Тревожили, – ровно ответила Ариана, глядя в потолок. – Ты всю ночь ворочался в моей голове. Перестань скрестись в двери памяти. Там нет ничего интересного для такой древней реликвии, как ты.

Тишина. Потом тихий, довольный смех.

– А ты становишься поэтичной, дорогая. Это платье тебе к лицу. Или, быть может, дело в новом корсете? Говорят, тугая шнуровка способствует возвышенным мыслям.

Ариана, наконец, позволила себе повернуть голову.

В углу, там, где густая тень обретала почти материальную плотность, стоял он. Лорд Дэмиан Блэквуд. Если, конечно, титулы и имена что-то значат для существа, которое старше большинства европейских монархий.

Он был красив той тяжелой, гнетущей красотой, от которой у женщин подкашиваются колени, а мужчины инстинктивно опускают глаза. Высокий, широкоплечий, с безупречной осанкой аристократа старой школы. Черный сюртук сидел на нем так, словно был сшит не портным, а самим дьяволом в минуту вдохновения. Белоснежная рубашка, идеальный узел галстука. Лицо – точеное, с резкими скулами, прямым носом и четкой линией губ, которые кривились в вечной полуулыбке. Глаза... Глаза у него были странные. Темно-серые, почти черные, они в полумраке казались бездонными колодцами. Иногда, если Ариана смотрела слишком долго, ей чудилось, что там, в глубине, кто-то шевелится.

– Любуешься? – Дэмиан склонил голову набок, и тени в комнате послушно качнулись вслед за его движением. – Я тронут. Пятнадцать лет вместе, а ты все еще находишь меня интересным.

– Я проверяю, не истончилась ли твоя материя, – парировала Ариана, садясь в кровати. – Вдруг ты наконец-то начнешь рассеиваться, как дым? Я бы заказала благодарственный молебен.

– Жестокая, – протянул он, и в голосе мелькнуло что-то похожее на одобрение. – Мне это в тебе всегда нравилось. Знаешь, большинство моих... подопечных ломались к концу первого года. Кричали, молились, сходили с ума. А ты – нет. Ты строишь стены.

– Я герцогиня дель Луго, – Ариана откинула одеяло и опустила ноги на пушистый ковер ручной работы, сотканный в мастерских Персии еще до того, как Персию стали называть Ираном. – Мы не ломаемся. Мы гнемся, но не ломаемся.

Она встала и прошла к туалетному столику, чувствуя спиной его взгляд – тяжелый, липкий, внимательный. Платье на ней было тонкое, ночное, из бледно-голубого шелка, скользящее по фигуре при каждом шаге. Она знала, что он смотрит. Она привыкла.

– Отвернись, – бросила она, беря в руки гребень из слоновой кости.

– Зачем? – искренне удивился Дэмиан. – Я видел тебя голой. Помнишь, в тот раз, когда ты упала в пруд, спасаясь от...

– От твоих шуток это не было спасением, – перебила Ариана, начиная расчесывать длинные темные волосы. – И я тебя об этом не просила.

– Ты вообще редко что-то просишь, – заметил он, и в голосе мелькнула тень то ли обиды, то ли скуки. Он сделал шаг вперед, бесшумно, как и положено тени, и теперь стоял прямо за ее спиной, отражаясь в зеркале. Ариана видела его отражение, но не видела своего собственного – оно расплывалось, пряталось, словно не решалось показаться рядом с ним. – Это меня и держит, знаешь ли. Твоя проклятая гордость. Вкуснее страха бывает только отчаяние сильных, когда они наконец ломаются. А ты все никак.

– Может быть, я просто не боюсь тебя, – Ариана провела гребнем по волосам еще раз, размеренно, спокойно.

– Все боятся. Даже Старшие. Даже те, кто создал этот мир. Страх – это основа всего. Просто некоторые умеют не показывать. – Он наклонился ближе, и она почувствовала холод – не физический, а какой-то глубинный, идущий от позвоночника. – Но я чувствую. Я всегда чувствую. Ты боишься, Ариана. Не меня. Ты боишься, что однажды стены рухнут, и ты останешься одна. Без своей злости, без своей гордости. Просто девочкой в шкафу.

Гребень дрогнул в ее руке. Всего на мгновение. Но Дэмиан улыбнулся – довольно, сыто, как кот, дорвавшийся до сливок.

– Вот видишь, – мягко сказал он. – Я все еще могу тебя достать.

Ариана медленно положила гребень на столик. Поднялась. Повернулась к нему лицом – так близко, что между ними оставалось не больше ладони. Запрокинула голову, глядя прямо в эти бездонные глаза.

– Ты ничего не можешь мне сделать, – сказала она тихо, чеканя каждое слово. – Ты привязан ко мне крепче, чем любой пес на цепи. Ты можешь пугать меня, можешь шептать гадости по ночам, можешь ворошить прошлое. Но ты не тронешь меня. Не потому что не хочешь. А потому что не можешь. И это, Дэмиан, – она улыбнулась, острой, холодной улыбкой светской львицы, готовящейся уничтожить соперницу одним замечанием, – это, мой древний друг, называется «клетка». Добро пожаловать в реальность.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что можно было резать ножом.

Дэмиан смотрел на нее. Долго. Пристально. И впервые за многие годы Ариана не смогла прочесть его лица. Оно было... пустым. Без той привычной насмешки, без ленивой сытости, без холодного любопытства. Просто маска.

– Ты права, – сказал он наконец. Голос был тих и абсолютно спокоен. – Ты права, герцогиня. Я в клетке. Но не забывай, кто построил эту клетку. И кто в итоге окажется снаружи, когда двери откроются.

Он отступил на шаг и растворился в тенях, как будто его и не было. Только легкое колебание воздуха в углу напоминало о том, что разговор состоялся.

Ариана стояла неподвижно еще минуту, глядя на пустой угол. Потом медленно выдохнула и провела рукой по лицу. Ладони были сухими и холодными. Она не дрожала – герцогини дель Луго не дрожат перед своими демонами. По крайней мере, так, чтобы кто-то видел.

– Матильда! – позвала она, и голос ее звучал ровно, как всегда.

Дверь в спальню открылась почти мгновенно. На пороге стояла пожилая женщина в строгом темном платье и белоснежном переднике. Матильда служила в доме Кортесов сорок лет – еще матери Арианы, а до того – бабушке. Это была высокая, сухая женщина с лицом, похожим на печеное яблоко – морщинистым, но живым и добрым. Только глаза у нее были молодые, острые, всевидящие.

– Ваша светлость, – сказала она, входя и начиная привычными движениями открывать шторы. Впускать полный свет Матильда не рисковала – только чуть-чуть, чтобы в комнате стало не темно, а сумеречно. – Опять этот... разговаривал?

– Разговаривал, – подтвердила Ариана, садясь обратно за туалетный столик. Теперь, когда Дэмриан ушел, зеркало показывало ее нормально – бледную женщину с темными кругами под глазами и упрямо сжатыми губами. – Он всегда разговаривает. Это его единственное развлечение.

– Нашел себе забаву – благородную девицу изводить, – проворчала Матильда, ловкими пальцами принимаясь заплетать волосы Арианы в сложную прическу. – Бесстыдник. В мои времена такие твари боялись в дома к порядочным людям соваться. Святая вода, осиноый кол – и нет проблем.

– Он не боится святой воды, – устало сказала Ариана. – И осиноый кол его только разозлит. Мы это уже проходили, Матильда. Помнишь тот случай, когда ты пыталась...

– Помню, – перебила служанка с досадой. – До сих пор тот угол в коридоре черный. Ни побелить, ни обоями заклеить. Как пятно позора.

Она замолчала, продолжая работать гребнем и шпильками. Ариана смотрела на свое отражение и думала о том, что пятнадцать лет – это очень долгий срок. Срок, за который можно привыкнуть к чему угодно. К постоянному присутствию в доме. К голосу в голове. К тому, что твоя тень иногда живет своей жизнью, отдельно от тебя.

Вспомнилось, как это начиналось.

Пожар. Крики матери. Фигура отца, мечущаяся в пламени, пытающаяся пробиться к лестнице. И она, маленькая, забившаяся в платяной шкаф в своей детской, зарывшаяся лицом в ворох шелковых платьев, чтобы не видеть, не слышать, не чувствовать запаха горелой плоти.

А потом – тишина. И тень, отделившаяся от стенки шкафа. Тень, обретшая лицо и голос.

– Хочешь жить, девочка? – спросила тень.

– Хочу, – прошептала она тогда, не раздумывая ни секунды.

– Тогда отдай мне свой страх. Весь. До капли.

И она отдала. Потому что боялась так сильно, что готова была на все.

Дура. Маленькая глупая дура, которая не понимала, что страх нельзя отдать. Что он все равно останется с тобой, просто придет под другим именем и в другом облике.

– Ваша светлость, – голос Матильды вернул ее в реальность. – Прикажете подавать завтрак в малую столовую?

– Да, – Ариана моргнула, прогоняя воспоминания. – И распорядись, чтобы тени убрали в кабинете. Вчера вечером я рассыпала бумаги.

– Тени, – фыркнула Матильда, но без злобы. Она тоже привыкла. За эти годы тени в особняке стали чем-то вроде причудливой прислуги – безмолвной, эффективной и жутковатой. Они не разговаривали, не брали платы, не просили выходных. Они просто появлялись из углов, когда нужно было что-то сделать, и исчезали, когда работа была закончена. – Смотрите, ваша светлость, как бы они однажды не решили, что прибираться в вашем кабинете – это значит выбросить все в окно.

– Они не решают, – отрезала Ариана. – Они выполняют. Дэмиан держит их на коротком поводке.

– Вот это и пугает, – тихо сказала Матильда, закрепляя последнюю шпильку. – Что он держит. Что они его слушаются, а не вас. Что в этом доме все тени – его, а ваша собственная... – она осеклась.

– Моя собственная – тоже его, – спокойно закончила Ариана. – Я знаю, Матильда. Я все знаю. Но пока я дышу, пока я могу двигаться и говорить – он мой пленник, а не я его. Запомни это.

Служанка вздохнула, но спорить не стала. Вместо этого она отошла к двери и дважды хлопнула в ладоши.

В комнате словно ветерок прошелестел. Из-под кровати, из-за штор, из углов поползли тени. Бесформенные, серые, они собирались в центре комнаты, обретая смутные очертания человеческих фигур. Потом одна из них скользнула к постели Арианы и принялась взбивать подушки. Другая – к туалетному столику, собирать флаконы с духами и баночки с кремом. Третья, самая крупная, направилась к двери, чтобы открыть ее перед хозяйкой.

Ариана смотрела на это представление с холодным спокойствием. За пятнадцать лет она привыкла и к теням, и к их хозяину. Привыкла к тому, что еду ей подают бесплотные руки, что постель стелют существа без лиц, что по ночам из коридора доносится шорох, похожий на шепот.

Мир сошел с ума. Или это она сошла с ума давным-давно, в ту самую ночь, когда согласилась на сделку с тенью.

– Ваша светлость, – голос Матильды вырвал ее из размышлений. – К завтраку подадут свежие круассаны, как вы любите. И шоколад, горячий, с корицей.

– Хорошо, – Ариана поднялась и направилась к выходу. Тени почтительно расступались перед ней, прижимаясь к стенам. – Сегодня буду завтракать одна. Никаких визитеров, никаких писем. У меня голова болит.

– Снова этот... разговорами своими довел? – нахмурилась Матильда.

– Я сказала: голова болит, – отрезала Ариана, выходя в коридор.

Малая столовая находилась на первом этаже, в конце длинной галереи, увешанной портретами предков. Ариана всегда чувствовала на себе их взгляды, когда проходила здесь. Кортесы смотрели на последнюю представительницу своего рода с немым укором. Вот суровый дон Педро, основатель состояния, с глазами-щелками. Вот красавица донья Элеонора, прапрабабка, умершая от чахотки в двадцать три. Вот мать – молодая, улыбающаяся, с младенцем на руках.

Ариана остановилась перед этим портретом. Мать держала ее, крошечный сверток кружев, и смотрела на мужа, писавшего портрет, с такой любовью, что у Арианы до сих пор щемило сердце.

– Я держусь, мама, – тихо сказала она портрету. – Я не сдалась. Я не проиграла.

– Разговаривать с покойниками – первый признак безумия, – раздалось у самого уха.

Ариана даже не вздрогнула. Только медленно повернула голову.

Дэмиан стоял в двух шагах, прислонившись плечом к стене и засунув руки в карманы брюк. В утреннем свете, сочившемся сквозь высокие окна, он выглядел почти живым. Почти человеком. Почти.

– Ты следишь за мной? – спросила Ариана без особого интереса.

– Скучно, – пожал плечами Дэмиан. – В твоём доме не происходит ничего интересного. Тени убирают, ты ходишь с постной миной, служанка ворчит. Развлеки меня, герцогиня. Пригласи кого-нибудь в гости. Устрой бал. Давай поохотимся на кого-нибудь.

– На людей охотятся в лесах, – холодно ответила Ариана, возобновляя путь к лестнице. – А здесь город. И я не собираюсь потакать твоим кровожадным инстинктам.

– Кровожадным? – Дэмиан бесшумно двигался рядом, даже не касаясь пола, кажется. – Я не пью кровь, дорогая. Это слишком вульгарно. Я питаюсь эмоциями. Страхом, отчаянием, болью. Это искусство, а не грубое убийство ради насыщения.

– Какая разница жертве, от чего именно она умерла? – Ариана спускалась по широкой мраморной лестнице, и каждый ее шаг отдавался эхом в пустом холле.

– Разница есть, – Дэмиан обошел ее и теперь двигался спиной вперед, глядя ей прямо в глаза. – Смерть от страха – это чистое, концентрированное искусство. Человек умирает не оттого, что у него кончилась кровь, а оттого, что его душа не выдерживает давления реальности. Это прекрасно. Это возвышенно. Это...

– Это мерзко, – перебила Ариана, входя в малую столовую. – Прекрати читать мне лекции по эстетике убийства. Я не разделяю твоих взглядов.

Столовая была небольшой, уютной комнатой с окнами в сад. Белые стены, лепной потолок, камин, в котором весело потрескивал огонь (хотя утро было теплым – просто Ариана любила, когда горит огонь). Круглый стол, накрытый на одну персону, сверкал серебром и хрусталем.

Ариана села. Из угла тут же выскользнула тень и наполнила чашку дымящимся шоколадом. Другая тень поставила перед ней тарелку с круассанами, маслом и джемом.

– Будешь смотреть, как я ем? – поинтересовалась Ариана, отламывая кусочек круассана.

– А ты против? – Дэмиан материализовался в кресле напротив, хотя секунду назад его там не было. Свободно откинулся на спинку, забросил ногу на ногу. – Приятное зрелище. Ты ешь красиво. Даже когда злишься.

– Я не злюсь.

– Злишься. – Он улыбнулся, и от этой улыбки у Арианы похолодело внутри. – Я чувствую твою злость, помнишь? Она как перец. Обжигает, но приятно. Ты злишься на меня за то, что напомнил тебе о прошлом. И еще больше злишься на себя за то, что позволила мне себя задеть.

Ариана отпила шоколад, не сводя с него глаз. Горячий, густой, с легкой горчинкой – именно так, как она любила. Вкус почти перебивал вкус его присутствия. Почти.

– Ты много о себе думаешь, – сказала она, ставя чашку на блюдце. – Я злюсь не на тебя и не на себя. Я злюсь на обстоятельства. На то, что пятнадцать лет не могу найти способ избавиться от тебя. На то, что перепробовала все – от экзорцизма до древних ритуалов, которые стоили мне половины состояния. И ничего не работает.

– Потому что я не демон и не призрак, – терпеливо, как ребенку, объяснил Дэмиан. – Я Тень. Я часть тебя, Ариана. Твоя темная сторона, твои страхи, твоя злость – все это я. Чтобы избавиться от меня, тебе придется избавиться от себя. Стать пустой, безэмоциональной куклой. И даже тогда я останусь, потому что куклы тоже боятся. Боятся темноты, боятся, что их сломают, боятся...

– Замолчи, – тихо сказала Ариана.

– ...боятся одиночества, – закончил Дэмиан, не обращая внимания на ее слова. – А ты боишься одиночества больше всего, правда? Поэтому ты терпишь меня. Потому что даже такое общество лучше, чем полная пустота.

– Замолчи, – повторила Ариана громче.

– Что, больно слышать правду? – Дэмиан подался вперед, и его лицо оказалось совсем близко. – Правда о том, что маленькая девочка, спрятавшаяся в шкафу, до сих пор живет внутри тебя? Что она до сих пор боится? Что каждую ночь, засыпая, ты сжимаешься в комочек под одеялом и ждешь, что огонь придет снова?

Ариана сжала чашку так сильно, что та могла бы треснуть, будь она не из тончайшего фарфора, а из чего-то менее прочного.

– Я сказала: замолчи, – прошептала она, и в этом шепоте звенела сталь.

Дэмиан откинулся назад, довольно улыбаясь. Он добился своего – вывел ее из равновесия, заставил чувствовать. Это было его развлечением, его игрой. Дергать за ниточки, смотреть, как дергается марионетка.

– Хорошо, – миролюбиво сказал он. – Молчу. Ешь свой завтрак. Наслаждайся шоколадом. А я просто посижу здесь, помолчу. Составлю компанию. Ведь ты не хочешь есть одна, правда?

Ариана не ответила. Она откусила еще кусочек круассана, прожевала, запила шоколадом. Ее руки слегка дрожали, но она заставила их успокоиться усилием воли. Герцогини не дрожат. Герцогини не показывают слабость. Особенно перед врагами.

Но был ли он врагом? Этот вопрос мучил ее все пятнадцать лет. Иногда ей казалось, что да – он враг, захватчик, тюремщик. Иногда – что он просто часть ее самой, темная, уродливая, но неотделимая. А иногда, в редкие минуты откровенности с самой собой, Ариана признавалась, что без него было бы... пусто.

Пусто в этом огромном особняке, где каждый угол хранит воспоминания о мертвых. Пусто в ее голове, где годами не смолкает его голос. Пусто в сердце, которое давно разучилось любить, но еще не разучилось ненавидеть.

Она доела завтрак молча. Дэмиан сидел напротив и молчал – демонстративно, театрально, каждым своим видом показывая, как он великодушен, что не нарушает тишину. Иногда он переводил взгляд на окно, за которым зеленел сад, и тогда его лицо становилось задумчивым, почти печальным.

«Интересно, – подумала Ариана, – что он видит, когда смотрит на солнечный свет? Боль? Ностальгию? Или просто пустоту?»

– Я вижу красоту, – тихо ответил Дэмиан на незаданный вопрос. – Свет для меня как музыка. Я не могу к нему прикоснуться, но могу любоваться им издалека. Как слепой, который помнит цвета.

– Ты читаешь мои мысли, – констатировала Ариана без удивления.

– Твои мысли – это мои мысли, – пожал плечами Дэмиан. – Точнее, они часть меня. Когда ты думаешь достаточно громко, я слышу. Не обижайся, это не вторжение. Это природа нашей связи.

– Природа, – горько усмехнулась Ариана. – Удобное слово. Прикрываешь им все, что тебе выгодно.

– Мне ничего не нужно прикрывать, – возразил Дэмиан. – Я не человек. Я не вру, не лицемерю, не притворяюсь. Я просто есть. И я с тобой. Хочешь ты этого или нет.

Ариана промокнула губы салфеткой и поднялась. Завтрак закончен. Пора начинать день.

– Куда теперь? – поинтересовался Дэмиан, тоже вставая. – В кабинет – строить из себя деловую женщину? Писать письма, принимать отчеты от управляющих? Скука смертная. Давай лучше прогуляемся в город. Посмотрим на людей. Я соскучился по свежим эмоциям.

– Ты вчера охотился, – напомнила Ариана, направляясь к двери.

– Это была легкая закуска, – Дэмиан последовал за ней. – Аппетит только разгорелся. Пойдем, Ариана. Развейся. Ты же не выходила из дома три дня. Превращаешься в затворницу. Люди начнут сплетничать.

– Пусть сплетничают, – равнодушно ответила она, поднимаясь по лестнице в кабинет, расположенный на втором этаже. – Мне нет дела до людских сплетен.

– Тебе всегда есть дело, – возразил Дэмиан. – Ты слишком горда, чтобы позволить кому-то думать о тебе плохо. Ты выйдешь в свет, наденешь лучшее платье, нацепишь улыбку и будешь очаровывать этих ничтожных людишек, потому что не можешь иначе. Это твоя природа, герцогиня. И она прекрасна.

Ариана остановилась на середине лестницы и обернулась. Дэмиан стоял на три ступеньки ниже, и теперь их глаза были почти на одном уровне.

– Ты когда-нибудь устаешь от самого себя? – спросила она устало. – От этой вечной игры, от насмешек, от желания дергать за ниточки?

– А ты когда-нибудь устаешь от своей праведности? – парировал он. – От этой брони, которую носишь, от вечного контроля, от того, что не позволяешь себе быть живой?

– Я жива, – тихо сказала Ариана. – В отличие от тебя.

Что-то мелькнуло в его глазах. Что-то быстрое и темное, похожее на боль. Или на гнев. Или просто на тень – ведь он и был тенью.

– Да, – так же тихо ответил он. – В отличие от меня.

Он отвернулся и растворился в воздухе, оставив Ариану одну на лестнице.

Она постояла еще немного, глядя на пустое место, где только что стоял он. Потом покачала головой и продолжила подъем.

Кабинет герцогини дель Луго был ее убежищем. Просторная комната с высокими окнами, выходящими в сад, с тяжелой дубовой мебелью, с книжными шкафами от пола до потолка. Здесь пахло кожей, бумагой и воском – запахи власти и порядка. Здесь она чувствовала себя в безопасности, потому что здесь все было подчинено ее воле.

Она села за массивный письменный стол, провела рукой по гладкой поверхности красного дерева. Стол был старым, еще отцовским, с потертостями и чернильными пятнами, которые никак не удавалось вывести. Ариана любила эти пятна – они напоминали о том, что отец был живым, работал за этим столом, писал письма, вел дела.

На столе уже лежала стопка бумаг – тени поработали ночью, разобрали вчерашний хаос и разложили все по стопкам. Ариана пробежалась взглядом по верхним листам: отчет от управляющего из загородного поместья, счета от поставщиков, приглашение на бал от маркизы де ля Рош (это она сожжет позже, когда будет в соответствующем настроении), письмо от поверенного в банке.

Она взяла первое попавшееся – отчет из поместья – и углубилась в чтение. Цифры успокаивали. Урожай, надои, расходы на ремонт крыши в доме управляющего – обычная, земная, понятная жизнь. Жизнь, где нет теней, нет монстров, нет древних существ, привязанных к тебе магией, которую никто не может разрушить.

– Ваша светлость, – раздался голос от двери.

Ариана подняла глаза. В дверях стояла Матильда, и лицо у нее было странное – встревоженное и растерянное одновременно.

– Что случилось? – спросила Ариана, откладывая бумаги.

– Там... – Матильда запнулась. – Там внизу полиция. Инспектор Клейтон. Говорит, ему нужно с вами поговорить. Срочно.

Ариана нахмурилась. Полиция? К ней? За все годы жизни в этом городе полиция ни разу не переступала порог ее дома. Кортесы были выше подозрений, выше сплетен, выше любых обвинений.

– По какому поводу? – спросила она, вставая.

– Не говорит, – покачала головой Матильда. – Говорит, только вам лично. И лицо у него такое... серьезное. Нехорошее лицо.

По спине Арианы пробежал холодок. Не страх – она давно разучилась бояться по-настоящему. Но смутное предчувствие, что привычный, выстроенный с таким трудом мир сейчас покачнется.

Она обвела взглядом кабинет. В углу, у книжного шкафа, тень была гуще обычного. Дэмиан уже здесь, уже слушает, уже улыбается своей хищной улыбкой.

– Интересно, – прошелестел его голос у нее в голове. – Очень интересно. Пойдем, герцогиня. Встретим гостя. Чувствую, день перестает быть скучным.

– Проводи инспектора в малую гостиную, – приказала Ариана Матильде. – Скажи, что я спущусь через пять минут. И подай чай. Самый лучший.

– Слушаюсь, ваша светлость.

Матильда ушла. Ариана подошла к зеркалу, висевшему у двери, и поправила прическу. Платье на ней было домашним, но вполне приличным – темно-синий бархат, высокий воротник, длинные рукава. Строго, элегантно, внушительно.

– Ну что, – прошептала она своему отражению. – Сыграем?

Отражение ничего не ответило. Но в углу зеркала мелькнула чужая тень, и Ариана поняла: Дэмиан будет рядом. Как всегда.

Она глубоко вздохнула, расправила плечи и вышла из кабинета, готовая к встрече с незванным гостем и неизвестностью, которую он принес с собой.

За окнами особняка медленно, неумолимо поднималось солнце, заливая город золотистым светом. Но в коридорах дома герцогини дель Луго по-прежнему царил полумрак. И тени по углам шевелились, предвкушая что-то.

Что-то новое. Что-то интересное. Что-то, что могло наконец нарушить затянувшуюся тишину пятнадцати лет.

Глава 2. Незванный гость.

Лестница в особняке герцогини дель Луго была создана для того, чтобы производить впечатление.

Широкая, из белого мрамора с прожилками серого, она спускалась в холл плавными полукружьями, словно застывшая волна. Перила из кованого железа, покрытого черным серебром, увивал бронзовый плющ – работа итальянских мастеров, оплаченная прадедом Арианы в те времена, когда деньги лились рекой, а Кортесы считались едва ли не богаче королевской семьи.

Ариана спускалась медленно. Не потому что боялась – она давно разучилась бояться полицейских. А потому что так было положено. Герцогиня не бежит на зов, как нашкодившая служанка. Герцогиня появляется тогда, когда сама соизволит, и идет с такой скоростью, с какой ей удобно.

Каждый ее шаг отдавался легким эхом в пустом холле. Платье темно-синего бархата мягко шуршало по мрамору. Высокий воротник подпирал подбородок, заставляя держать спину прямой, как струна. Волосы, уложенные Матильдой в сложную прическу, открывали шею и линию плеч – Ариана знала, что это ее выигрышная сторона, и пользовалась этим без зазрения совести.

В холле ее встретила Матильда с лицом каменным и непроницаемым, но в глазах служанки плескалась тревога.

– В малой гостиной, ваша светлость, – сказала она тихо, чтобы не услышали посторонние. – Я подала чай, но он не притронулся. Сидит, как истукан, и смотрит в одну точку. Нехороший человек.

– Полицейские редко бывают хорошими, Матильда, – философски заметила Ариана, останавливаясь перед дверью в малую гостиную. – Это их работа – быть нехорошими.

– Он другой, – настаивала служанка, понижая голос до шепота. – От него пахнет... смертью, ваша светлость. Я эти запахи за сорок лет научилась различать. От него пахнет так, как пахло от тех людей, что приходили с сообщениями с фронта. Беда. Большая беда.

Ариана внимательно посмотрела на Матильду. Та редко ошибалась в таких вещах. У старой служанки было чутье на неприятности – выработанное годами выживания в доме, где по углам шевелятся тени.

– Хорошо, – кивнула Ариана. – Я поняла. Можешь идти.

Матильда поклонилась и бесшумно исчезла в направлении служебных коридоров. Ариана перевела дыхание, поправила манжету на платье и толкнула дверь в малую гостиную.

– Проводить тебя? – прошепестел в голове голос Дэмиана. – Составить компанию? Защитить от злого полицейского?

– Не мешай, – мысленно ответила Ариана. – И не смей появляться. Я сама.

– Как скажешь, герцогиня. Но я буду рядом. На всякий случай.

Ариана вошла.

Малая гостиная была ее любимой комнатой в особняке. Не парадная, как большая, где принимали официальных гостей, а уютная, почти домашняя. Стены, обитые светло-зеленым шелком, камин из белого мрамора, в котором весело потрескивал огонь (в этом доме всегда топили камин, даже летом – Ариана не выносила холода), низкие кресла с высокими спинками, обтянутые парчой, и круглый столик у окна, где стоял сервиз с чаем.

За столиком, в кресле, которое обычно занимала сама Ариана, сидел мужчина.

Он не обернулся на звук открывшейся двери. Сидел неподвижно, глядя в окно на сад, и в его позе было что-то такое... тяжелое, что ли. Словно он не просто сидел, а нес на плечах неподъемный груз.

Ариана закрыла за собой дверь и сделала несколько шагов вглубь комнаты.

– Инспектор Клейтон, насколько я понимаю? – спросила она, останавливаясь в двух шагах от столика. – Прошу прощения за ожидание. Утро выдалось хлопотным.

Мужчина наконец повернулся.

И Ариана на мгновение потеряла дар речи.

Она видела много полицейских. В ее жизни случались кражи, мелкие происшествия, проверки документов – обычная рутина аристократки, владеющей недвижимостью. Полицейские всегда были предсказуемы: почтительные, немного заискивающие, одетые в мундиры, пахнувшие табаком и дешевым мылом.

Этот был другим.

Ему было около тридцати, может, чуть больше. Высокий, широкоплечий, с фигурой человека, привыкшего к физической работе, но не потерявшего благородной стати. Одет он был не в мундир, а в добротный, хотя и поношенный темно-серый сюртук гражданского покрова. Русые волосы, коротко стриженные, кое-где тронуты сединой на висках. Лицо – правильное, даже красивое, если бы не глубокая морщина между бровями и не жесткая линия губ. Глаза – серые, почти стальные, смотрящие тяжело и прямо, без обычного для полицейских подобострастия.

И эти глаза сейчас изучали Ариану с такой пристальностью, словно она была подозреваемой на допросе, а не герцогиней в собственном доме.

– Герцогиня дель Луго? – спросил он, поднимаясь. Голос у него оказался под стать внешности – низкий, чуть хрипловатый, спокойный. – Благодарю, что согласились принять. Я инспектор Эдвард Клейтон, городское управление полиции, отдел особо тяжких преступлений.

– Очень тяжких? – Ариана изогнула бровь, проходя к креслу напротив и жестом предлагая инспектору сесть. – И чем же я могла помочь отделу особо тяжких преступлений? Признаться, я не припомню, чтобы в последнее время совершала что-то противозаконное.

Она села в кресло, оправила юбку и подняла глаза на инспектора, который так и не сел обратно. Он стоял, глядя на нее сверху вниз, и это было нарушением этикета, но Ариана решила пока не делать замечаний.

– Вы не совершали, – сказал Клейтон. – Речь не о вас как о подозреваемой. Речь о вас как о возможной свидетельнице.

– Свидетельнице? – Ариана действительно удивилась. – Свидетельнице чего?

Клейтон помолчал, словно собираясь с мыслями. Потом достал из внутреннего кармана сюртука небольшой блокнот, раскрыл его, пролистнул несколько страниц.

– Сегодня ночью, около часа пополудни, в районе портовых складов было совершено убийство, – сказал он, глядя в блокнот. – Жертва – мужчина, примерно сорока лет, личность устанавливается. Смерть наступила в результате... – он запнулся, – в результате обширной кровопотери.

– Ужасно, – ровно сказала Ариана. – Но при чем здесь я? Я сплю по ночам, инспектор, и портовые склады – не место для прогулок герцогини.

– Жертва перед смертью успел произнести несколько слов, – продолжил Клейтон, не обращая внимания на ее иронию. – Слова были... странные. Доктор, осматривавший тело, записал их. – Он поднял глаза от блокнота и посмотрел на Ариану в упор. – Жертва сказала: "Скажите герцогине... тень... она пришла за всеми".

В гостиной повисла тишина. Слышно было только потрескивание дров в камине и стук собственного сердца, который Ариана вдруг начала различать слишком отчетливо.

– Тень, – повторила она медленно. – Она пришла за всеми.

– Да, – кивнул Клейтон, не сводя с нее глаз. – Вы что-нибудь понимаете в этих словах, герцогиня?

В голове у Арианы пронесся вихрь мыслей. Тень. Убийство. Слова, обращенные к ней. Это не могло быть совпадением. Но кто? Кто мог знать? И зачем?

– Может быть, чаю, инспектор? – спросила она, беря паузу. – Вы выглядите уставшим. Ночь, должно быть, была бессонной.

– Я на службе, – отрезал Клейтон, но потом, словно спохватившись, добавил уже мягче: – Но от чая не откажусь. Спасибо.

Ариана налила чай в две чашки – тонкого фарфора, расписанного васильками. Движения ее были спокойны, размеренны, ни одна капля не пролилась мимо. Она протянула чашку инспектору и жестом пригласила сесть.

Клейтон наконец опустился в кресло напротив. Принял чашку, сделал глоток. По лицу его скользнуло что-то похожее на удивление – чай был отличным, Ариана следила за этим.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил он, ставя чашку на столик.

– Я обдумываю ответ, – честно сказала Ариана. – Слова действительно странные. Тень... это может быть метафорой. Или бредом умирающего. Вы не допускаете, что человек просто бредил?

– Допускаю, – кивнул Клейтон. – Но бред не бывает адресным. Он сказал конкретно: "скажите герцогине". Он знал вас, ваша светлость. Или знал о вас. И хотел, чтобы вы получили это сообщение. Почему?

– Понятия не имею, – пожала плечами Ариана. – Я не знакома с портовыми грузчиками, инспектор. Круг моего общения – аристократия, высшее общество, банкиры, поверенные. Вряд ли убитый принадлежал к этому кругу.

– Он не принадлежал, – согласился Клейтон. – Судя по одежде и рукам – рабочий. Может быть, грузчик. Может быть, матрос с торгового судна. Но он знал ваше имя. И перед смертью хотел передать вам сообщение. Вас это не тревожит?

– Тревожит, – призналась Ариана. – Но я не знаю, чем могу помочь.

Клейтон допил чай, поставил чашку и снова уставился на нее тяжелым взглядом.

– Я бы хотел осмотреть дом, – сказал он.

– Что? – Ариана не поверила своим ушам. – Зачем?

– Стандартная процедура, – Клейтон говорил ровно, но в глазах его горело что-то упрямое. – Убитый назвал ваш адрес, ваше имя. Я должен убедиться, что здесь нет ничего... подозрительного. Что вы в безопасности.

– Я в полной безопасности, инспектор, – холодно ответила Ариана. – У меня есть прислуга, есть охрана. И я не нуждаюсь в том, чтобы полиция рылась в моих вещах.

– Я не буду рыться, – возразил Клейтон. – Я просто осмотрю. Особенно меня интересуют окна и двери – нет ли следов взлома. Убийца может быть опасен. Он может прийти сюда.

– С чего вы взяли?

– Потому что жертва сказала: "она пришла за всеми". – Клейтон выделил голосом слово "всеми". – Не "за мной", не "за нами", а "за всеми". Это может означать, что убийца не остановится. И что следующей можете быть вы.

Ариана молчала, обдумывая его слова. В них была логика. Если кто-то охотится на людей, связанных с ней... Но кто? Зачем?

В углу гостиной, там, где портьера отбрасывала густую тень, что-то шевельнулось. Совсем легонько, почти незаметно. Ариана краем глаза уловила это движение и похолодела. Дэмиан. Он не выдержал, пришел посмотреть. Если Клейтон обернется, если увидит...

– Хорошо, – сказала она быстро, чтобы отвлечь внимание инспектора. – Вы можете осмотреть первый этаж. Но в мои личные комнаты я вас не пущу. Там нет ничего интересного для полиции.

– Договорились, – Клейтон поднялся. – Начнем с холла?

Ариана тоже встала, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Наглый полицейский. Врывается в дом, требует, осматривает. Но если она откажет слишком резко, это вызовет подо-

зрения. А подозрения ей не нужны. Особенно сейчас, когда какой-то неизвестный убийца шепчет ее имя перед смертью.

Она вышла в холл первой, Клейтон последовал за ней. В холле было пусто и тихо, только тени от утреннего солнца лениво ползли по мраморному полу.

– Здесь, – Ариана обвела рукой пространство. – Холл, гостиные, столовая, библиотека. Можете смотреть.

Клейтон кивнул и начал осмотр. Он двигался методично, как опытный сыщик: заглядывал в углы, проверял оконные рамы, изучал запоры на дверях. Ариана стояла в стороне, скрестив руки на груди, и наблюдала.

– У вас хорошая охрана, – заметил он, закончив с холлом и переходя в большую гостиную. – Замки сложные, решетки на окнах. Вы боитесь?

– Я предусмотрительна, – поправила Ариана. – Одинокая женщина в большом доме должна думать о безопасности.

– Одинокая? – Клейтон бросил на нее быстрый взгляд. – Я слышал, у вас есть служанка. И... кто еще?

Ариана напряглась.

– Только служанка, – ответила она ровно. – И приходящая прислуга для тяжелой работы.

– Ах да, – Клейтон остановился у окна в большой гостиной, провел пальцем по раме. – Приходящая прислуга. И много у вас такой прислуги?

– Достаточно, – отрезала Ариана, начиная терять терпение. – Инспектор, я понимаю, что вы выполняете свою работу. Но не могли бы вы перестать допрашивать меня и просто осмотреть, что хотели? У меня дела.

– Дела, – повторил Клейтон задумчиво. – Конечно, ваша светлость. Прошу прощения, если отвлекаю.

Он двинулся дальше, в малую гостиную, откуда они только что вышли. Ариана осталась в холле, прислонившись к стене и пытаясь унять бешеное сердцебиение.

– Он опасен, – раздался шепот Дэмиана прямо у уха. Ариана вздрогнула – она не заметила, как он подобрался. – Этот человек видит больше, чем говорит. Он ищет не убийцу. Он ищет что-то другое.

– Что? – мысленно спросила Ариана.

– Не знаю. Но он чувствует. В нем есть... чутье. Такое редко встречается у людей. Обычно они слепы. А этот – видит тени.

– Он видит тебя? – Ариана похолодела.

– Нет. Но чувствует, что здесь что-то не так. Посмотри на него внимательно, когда он выйдет.

Клейтон вышел из малой гостиной, прошел в столовую, затем в библиотеку. Осматривал он быстро, но тщательно – Ариана видела это по тому, как менялось выражение его лица. Он что-то искал. Или кого-то.

– У вас красивый дом, – сказал он, возвращаясь в холл. – Старинный. Много вещей, много... историй.

– Да, – согласилась Ариана. – Дому больше двухсот лет. Он пережил многое.

– И многое видел, – добавил Клейтон, и в голосе его послышалась странная интонация. – Такие старые дома хранят память. Иногда – слишком много памяти.

Ариана промолчала. Ей не нравился этот разговор. Не нравился этот инспектор с его тяжелым взглядом и странными намеками.

– Я закончил, – сказал Клейтон неожиданно. – Благодарю за содействие, ваша светлость. Если у меня появятся новые вопросы, я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Разумеется, – кивнула Ариана, провожая его к выходу. – Полиция всегда может рассчитывать на содействие дома Кортесов.

Она открыла дверь, и в холл ворвался утренний воздух – свежий, прохладный, пахнувший мокрой листвой. Клейтон вышел на крыльцо, но на полпути обернулся.

– Ваша светлость, – сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Будьте осторожны. Убийца может быть опасен. И если вы что-то знаете – если эти слова "тень" и "пришла за всеми" значат для вас больше, чем вы говорите – лучше расскажите мне. Пока не стало поздно.

– Я ничего не знаю, инспектор, – твердо ответила Ариана. – Всего доброго.

И закрыла дверь прямо перед его носом.

Она прислонилась спиной к холодному дереву двери и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали – мелко, противно, несмотря на все усилия их успокоить.

– Интересный человек, – Дэмиан материализовался прямо перед ней, теперь уже в полный рост, в своем излюбленном обличе красивого мужчины в черном сюртуке. – Очень интересный. Он вернется.

– С чего ты взял?

– Потому что он не закончил. Он чувствует, что здесь есть ответы. И он из тех, кто не успокоится, пока не докопается до истины.

Ариана открыла глаза и посмотрела на Дэмиана. Тот стоял, скрестив руки на груди, и улыбался своей обычной хищной улыбкой.

– Это не смешно, – сказала она устало. – Кто-то убил человека, который назвал мое имя. Кто-то, кого называют "тенью". Ты что-нибудь знаешь об этом?

Дэмиан перестал улыбаться.

– Знаю, – сказал он после паузы. – Вчера ночью я охотился в порту. И почувствовал кое-что странное. Чужое присутствие. Такое же, как я, но... дикое. Неконтролируемое. Я решил, что мне показалось. Но теперь...

– Теперь?

– Теперь я думаю, что в городе появился еще один. И он не соблюдает правил.

– Каких правил? – Ариана нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.